

Александр ГАБРИЭЛЬ

УЛИТКА

Пугливая инвалидка, невзрачная, словно гном,
ползи же, ползи, улитка, накрывшись пробитым дном
простого, пустого быта. Стелись же, за пядью пядь...
Привычно, что дно пробито, и снизу стучат опять.
Мозгов у тебя немного, в эмоциях — тишь да гладь...
Поэтому — брюхонога: поползай бы да пожрать.
Холодная, словно иней, с рогами взамен ушей...
Спираль прихотливых линий, похожая на мишень.
Моллюск — а такая сила, такой первородный клей,
что время смолой застыло на раковине твоей,
захлопнулось, словно двери в чиновничий кабинет...
А мы все никак не верим, что времени больше нет.

ВОРОБЬИ И ЛЮДИ

Осень пестует воду в ступе
потемневших воздушных ям.
Дождь, начавшись, прицельно лупит
по нахохленным воробьям.
По законам, угодным Богу,
и надеясь на «Даждь нам днесь»,
воробьи улететь не могут.
Воробьи остаются здесь.
Не сыграешь в принцесс и принцев
и не выйдешь из зон боев.
Выживание — общий принцип
человеков и воробьев,
Ведь Создатель и тех, и этих
общей нитью в иглу продел.
И остался на этом свете
тем и этим один удел:
вечный поиск тепла и хлеба
с долгим счетом земных скорбей...
Но чирикает что-то в небо
менестреляный воробей.

Александр Михайлович Габриэль — трижды лауреат конкурсов им. Николая Гумилева (2007, 2009, 2018), обладатель премии «Золотое перо Руси» 2008 года, автор многочисленных газетных и журнальных публикаций в США, России и других странах. Автор шести книг. С 1997 года проживает в пригороде Бостона (США).

ПЫЛЬ

Сгорят, как бездымный порох, размоются в полный ноль
дискуссии, от которых одна головная боль.
Растасканный по кусочку, стоишь на земле пустой,
почти превратившись в точку из плачущей запятой.

Пускай и не младший Плиний — свершившемуся вдогон
Аверченко и Феллини, придумав «Сатирикон»,
собрал воедино крохи не слишком заметных вех,
поставят клеймом эпохе задорное слово «смех».

Узнав, как мы, все профукав, пытались рубить плеча,
праправнуки наших внуков расслабятся, хохоча:
в роду, дескать, что ни ветка, то пафоса пошлый бриз.
Но что же возьмешь-то с предков? Воинственны и глупы-с.

И только, привычно горек и тем заслужив time off,
вобьет прошлый век историк в архивную гладь томов.
Что ж, бомба, давай дотикай и вне, и внутри башки —
чтоб пылью легли мы тихой на книжные корешки.

МЯГКИЙ ЗНАК

Свободы нет. Есть пеший строй. Приказы в «личку».
Не думай много. Рот закрой. Сарынь на кичку!
Ведь нам все это не впервой с времен Турксиба.
Скажи спасибо, что живой. Скажи спасибо.

Ты нынче доктор всех наук. Освоил дроби.
Суха теория, мой друг. Суха, как Гоби.
Материя — нам ясно и без вычисленьиц —
первична, голуби мои, Платон и Лейбниц.

Садись за руль. Поешь харчо. Плати по ссуде.
Но ведь живут же так — а чо? — другие люди.
Все как у всех — друзья, враги. По старым калькам
твои присыпаны мозги неандертальком.

Спокойной ночи, малыши. Пospели вишни.
А эти двадцать грамм души — лишь вес излишний.
Покуда шел парад-алле, услада зрячим,
свеча сгорела на столе к чертям собачьим.

И жизнь прошла, как звук пустой, как дождь по крыше,
и ты вернулся к точке той, из коей вышел,
и там стоишь, и нищ, и наг, открытый мукам,
бессмысленный, как мягкий знак за гласным звуком.

ВОЛХВЫ

Скоро небо покрасят в серое маляры,
и забросят поэты сложный узор поэм.
Человек человеку щедро несет дары:
там дубинки, шахидский пояс и АКМ —
не какой-то корысти ради, а just for fun.
Доведи свой рассказ до точки, допой куплет.
На подарках хрустит загадочно целлофан
и открыточка с пожеланием долгих лет.
Раз уж кто-то давным-давно изобрел огонь,
не тушуйся: спали других или сам сгори.
Вот в твой город неспешно входит троянский конь.
До чего интересно, что у него внутри.
Там гранаты ребристый бок, вороненый ствол,
там ночной цифровой прицел и короткий век...
Оттого, что порой человек человеку волхв,
человек человеку —
часто —
не человек.

ВГЛУБЬ

Если смотришь снаружи, из космоса — да, пастораль.
Если смотришь снаружи — наш мир переполнен любовью...
А внутри, на Олимпе — беда соревнуется с болью,
остальным — белым льдом выпадает в осадок февраль.

«Сотворение мира» — проект, неудачный весьма,
но свободен от всяческой критики проектировщик.
Вот и жизнь получилась нелепой и беглой, как росчерк,
как холмистая подпись в конце делового письма.

Человек недоволен другими. Но больше — собой.
Он вжимает себя в трафарет, в изначальное слово;
а копанье в себе — нечто вроде подледного лова,
ибо лучше безрыбье, чем, скажем, грабеж и разбой.

Человек смотрит вглубь. Так в витрину глядит манекен.
А вокруг распадаются в пыль византии и римы...
И по мере того, как уходят все те, кто любимы,
человек утончается, делаясь точкой.
Никем.

МУЗЫКА

Пусть лишимся мы многого, Господи. Пусть
измельчаем на фоне словесного сора.
Оставалась бы музыка — жаркой, как пульс,
отдающийся громом в висках дирижера.
Пусть не лодка она, но уж точно весло
в утлой лодке среди мировой круговерти.
Пусть не символ добра, победившего зло,
но прямое отличие жизни от смерти.
И когда не спасают тебя образа,
мир от ветра продрог и беснуется Кормчий —
ты уходишь к себе. Закрываешь глаза.
Надеваешь наушники. Делаешь громче.
И неважно, какой нынче день или год
и какое столетье, пока неустанно
поднимаются ввысь иероглифы нот
по причудливой лесенке нотного стана.